

Лия БУШКАНЕЦ

ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

Немногим исследователям, посвятившим себя литературе не на родном, на другом языке, удастся стать признанным специалистом во всем мире. Золтану Хайнади (1944) – хабилитированному профессору Института славистики Дебреценского университета, доктору Венгерской академии наук, это удалось с блеском.

Профессор Хайнади выбрал сложную сферу исследований – это представители классической русской литературы: Лев Толстой, Гончаров, Чехов, Лермонтов... Казалось бы, за более чем полтора столетия столько написано об их великих произведениях! Но когда-то Ф. М. Достоевский сказал, что каждый великий писатель приходит в литературу с «новым словом». То же самое можно повторить и о замечательных литературоведах: Золтан Хайнади пришел в науку со своим «новым словом».

Основная область его исследований – классическая русская литература и культура в контексте восточно- и западноевропейского взаимодействия. Будучи российским читателем работ профессора, я познакомилась с ними сначала по публикациям в журнале «Литература» издательского дома «Первое сентября». Это статьи для учителей российских школ. В этих поистине увлекательно написанных статьях раскрывалось *общезначимое* в произведениях школьной программы. Помню, что эти статьи высоко оценивались учителями, каждая из них широко обсуждалась, и, конечно, использовалась в практике преподавания. Многие из них появились в 1990–2000 годы и производили больше впечатление после скучных и идеологизированных советских учебников. Удивляло, что яркое научно-популярное литературоведение принадлежало перу не российского, а венгерского автора!

Так для меня определилась специфика исследований Золтана Хайнади: аксиологическое литературоведение, что хорошо видно и в строго научных его работах. При этом, пусть и не в прямом высказывании (автор не позволяет себе, будучи строгим ученым, открыто оценочные суждения), но система ценностей автора отчетливо проявляет себя в его текстах, и эта система ценностей опирается на гуманизм, чувство внутренней свободы, а потому в каждом исследовании читатель вступает в диалог не просто с литературоведом, но с личностью глубокой, сложной, масштабной.

Так, после размышлений об общественном романе М. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и открытии Щедриным новой формы «деспотизма крепостничества» («В последнее время русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, то есть новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентчиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих

казнокрадов и мироедов»), исследователь переходит к сопоставлению Салтыкова-Щедрина и Гоголя («Однако Гоголь всё же был больше, нежели просто сатирик: он вскрывал метафизические глубины зла, а не только его социальное проявление. И ещё одна существенная разница между ними: Гоголь облегчал сатиру юмором и лирикой, чего не было у Салтыкова-Щедрина»), и в финале статьи появляется авторский голос: «Если герои не обладают душевной красотой, рождаются пессимистические произведения. Но может ли долго существовать роман, лишённый положительных идеалов?»¹ Так мог написать не просто литературовед, но просто хороший и добрый человек.

Как для чеховеда и толстоведа, для меня особенно важны работы Золтана Хайнади об этих двух гениях. Широко известны, например, работы о трагическом у Льва Толстого (чему была посвящена его кандидатская диссертация), о философском осмыслении смерти у Толстого. Активно участвует исследователь и в самых острых спорах о Чехове – об образе сада в пьесе «Вишневый сад» и о «Душечке». И опять хочется отметить собственную аксиологическую позицию исследователя. Современное литературоведение зачастую приходит к полному релятивизму. В случае с той же «Душечкой» утверждается, что позиция Чехова принципиально ненаходима и неопределима. Золтан Хайнади же утверждает, что, несмотря на полисемический характер произведений Чехова, «сущность любви Душечка видит не в том, что её любят: любовь надо давать, а не получать. Чехов возвращается к традиционному толкованию понятия вечной женственности, которое наделяет его героинь супружеской, материнской ролью, делает их хранительницами домашнего очага. Атрибутами этого являются нежность, сердечное тепло, чувствительность, способность к сопереживанию чувствам и мыслям другого человека, ощущению себя на его месте. Писатель тонко анализирует проблему связи женского и мужского сознания, заставляя ощутить, что мужское сознание склонно к хищнической агрессии, в то время как женское сознание хоть и пассивно, подчинено мужскому и менее рационально, но гораздо богаче относительно чувств и эмоций. Души мужских персонажей рассказа отягощены мыслями и заботами насущного, душа же Оленьки, напротив, обнажена до окончательной её сути. <...>. Рассказ мог бы иметь подзаголовок “Жизнь в любви” или “Любовь в жизни”»². Это замечательное утверждение.

В работах Золтана Хайнади всегда поражают эрудиция, контекст, в который он помещает литературное произведение. Философы и поэты, европейские и российские (Данте, Гёте, Владимир Соловьев, Николай Федоров, Анри Бергсон, Павел Флоренский, «Гильгамеш», Гомер, Гесиод, Мильтони многие другие) становятся контекстом, в которую помещена русская литература. На этом фоне ярче становится ее специфика, обретения, а иногда и просчеты. Особенно интересно, когда возникают сопоставления с венгерской литературой, редко попадающей в сферу внимания в России (например, роман

¹ Хайнади З. 2002: Беспримесная сатира // Литература. № 33. 19–20.

² Хайнади З. 2005: Русская Психея // Литература. № 16. 18–23.

И. Гончарова «Обломов» сопоставлен с романтическими текстами, где трагический конфликт в конце развязывается любовью, как в «Трагедии человека» Имре Мадача, пишет исследователь, и пришлось познакомиться с этой драмой).

Благодаря контексту становится понятным то, что не ясно для исследователей, посвятивших себя только русской культуре. Так, очень интересны работы профессора о русских и европейских скитальцах: в русской литературе, о странниках: «...в постановке вопроса чувствуется критика скептицизма Просвещения, которое ставило в центр мироздания человека и безусловно верило во всемогущество разума. Человек, потерявший Бога, ищет разгадки всех проклятых вопросов в разуме. Духовные скитальцы опознают свою оторванность от почвы, от Церкви. Они трагически переживают раздвоенность своего бытия, страдают от одиночества и обособленности и начинают томиться о цельности и космическом всеединстве. Русские писатели хотели бы восстановить прежнюю роль религии, которую она утратила вследствие распространения просветительских идей <...>. Герои русских романов отправляются в дорогу грешными и прибывают праведными людьми в Сибирь – в это великое чистилище. Паломник – это *homoviator*, который повторяет в себе путь Божий. В душе каждого паломника должна разыгрываться иисусовская мировая драма»³

Обратим внимание на методологию работ исследователя. Смыслы исследуемых текстов раскрываются в процессе погружения в процесс чтения, анализ исходит из точки зрения, что во всех частях произведения отражается целое, а «полное герменевтическое понимание достигается путем движения от частей к целому и от целого к частям»⁴. Очень бы хотелось, чтобы, собранные вместе, статьи были изданы как учебник или пособие для российских студентов-филологов, поскольку это, по сути, школа чтения.

Хочется отметить еще одну особенность работ Золтана Хайнади. Во многих из них появляются эпитафии, поэтические или философские. Так раскрывается то, что и сам автор в душе – поэт.

Когда обращаешься к библиографии работ профессора Золтана Хайнади, поражаешься, как много было сделано: опубликовано восемь книг (две из них на русском языке) и около 100 научных работ на русском, английском, немецком, французском и венгерском языках, которые вызвали отклик в Венгрии, России, европейских странах. С 1989 по 1992 год – директор института, с 1989 по 2008 год – заведующий кафедрой русской литературы. С 1989 по 2013 год – ответственный редактор литературоведческого отдела научного ежегодника «*Slavica*», в котором публикуются видные венгерские, европейские, российские исследователи.

В 2006 году З. Хайнади был награжден медалью Пушкина «За заслуги в сближении и взаимообогащении русской и венгерской культур».

---

³ Хайнади З. 2003: Странник и скиталец в европейской и русской литературах // Литература. № 31. 2–3.

⁴ Хайнади З. 2003: Фрагментарная целостность // Литература. № 16. 5–6.

В программных работах «Культура как память» (исследователь неоднократно возвращался к этим идеям) автор пишет, что «назначением культуры является память и борьба с забвением», и утверждает, что культуру можно воспринимать как постоянную борьбу за память, а двигателями общественного прогресса являются «элементы» культуры – идеи и мысли⁵. Литературоведы вообще являются подвижниками, хранителями культуры, и одним из тех, кто, как атлант, хранит идеи и мысли литературы, является замечательный просветитель и ученый Золтан Хайнади.

Лия БУШКАНЕЦ
Музей Л. Н. Толстого
(филиал Национального музея РТ)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
lija.bushkanetz@ksu.ru
Россия, Казань

---

⁵ ХАЙНАДИ З. 1998: Культура как память. Главы из истории русской культуры. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest. 253.

